

А.В. Богачев, С.Э. Зубов

КОНЬ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ПРАБОЛГАР СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

*Светлой памяти Тимура
Шайхутдинова посвящаем*

Со времени одомашнивания на протяжении тысячелетий конь занимал заметное место в мировоззрении многих (особенно кочевых) этносов, что не могло не отразиться в погребальной практике древних и средневековых народов Евразии. И в этом плане коневники-болгары исключением не были.

Монографические исследования, посвященные недавно открытым в Самарском и Ульяновском Поволжье памятникам праболгар (Матвеева, 1997; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998) в силу объективных причин не охватили в должной мере все вопросы, связанные с погребальной традицией этого населения. В частности, недостаточно освещены вопросы, связанные с культом коня у праболгар Среднего Поволжья.

Источниковой базой настоящего исследования стали 236 погребений, оставленных праболгарами VII-VIII вв. на территории современных Самарской и Ульяновской областей. Как было установлено авторами ранее (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998), все эти комплексы представлены двумя типами захоронений. Первый - новинковский тип (216 могил) - представлен курганами, насыпанными из земли и камней; курганы второго типа (20 могил) камней в насыпи не имели. Однако, в комплексах и тех и других содержалось немало материалов (черепка и скелеты лошадей, предметы конского снаряжения), позволяющих говорить о значительной культовой роли коня в погребальной церемонии всех групп праболгарского населения Среднего Поволжья. Причем, следы культа коня фиксируются как в насыпях курганов, так и непосредственно в погребениях.

Следы культа коня в насыпях курганов

Половина (49,5%) насыпей курганов новинковского типа содержала челюсти и целые черепа коней. Иногда под одной насыпью находилось 3 и даже 5 конских черепов. Причем, в последнем случае (курган 2 Рождественского III могильника) четыре черепа лежали вместе, а пятый - несколько поодаль (Рутто, 1975, с.122). Известны 4 случая находок в насыпях (Брусыны II, Шелехметь II, Малая Рязань II) железных удила и 2 случая находок стремян (Малая Рязань I, Шелехметь II). Все остатки частей конского скелета и упряжи находились, как правило,

на уровне древней поверхности и, по всей видимости, являются следями каких-то ритуальных тризн, совершаемых до возведения курганных насыпей. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело с обрядом «очищения» погребальной площадки. И жертвенным ритуальным животным в данном случае выступал конь и его кровь.

Интересно, что под насыпями курганов без камней, где ритуальная площадка обозначалась выкопанным ровиком, остатки коней найдены лишь трижды. В одном случае (курган 2 Уреньского II могильника) конские черепа находились с внешней стороны кольцевидного ровика. В другом (курган 1 Старо-Майнского могильника) - челюсти лошади были найдены в самом прямоугольном ровике. В третьем (курган 1 Бруснянского III могильника) - фрагменты конских черепов находились в прямоугольном ровике, а целый скелет лошади лежал на уровне погребенной почвы у южного края основного захоронения. В последнем случае целый скелет коня, вероятно, следует рассматривать не в контексте ритуальной площадки, а в прямой связи с человеческим (княжеским) захоронением.

Следы культа коня в погребениях

В комплексах новинковского типа следы культа коня (кости лошади и элементы конской упряжи) прослежены в 22-х случаях, что составляет более 10% от общего числа захоронений. Различные части скелета коня обнаружены в 10 захоронениях. В погребениях под курганами с земляными насыпями известны 6 случаев нахождения костей коня и конского снаряжения, что составляет 31,5% от общего их числа. И лишь в одном из шести (к.22 п.9 Урень II) костей коня не было (найден только удила).

Таким образом, к настоящему времени исследовано 15 погребений с останками костей коня из курганных могильников Брусняны II, III и IV, Березовка I, Малая Рязань I, Новинки II, Осиновка III, Шиловка, Урень II и курганно-грунтового могильника Шелехметь II (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998; Матвеева, 1997; Бражник, Кирсанов, Лифанов, 2000; Скарбовенко, Стащенко, 2000). Сведения об этих комплексах приведены в таблице 1.

С целью выделения возможных обрядовых групп в серии погребений с конем, нами была составлена таблица взаимовстречаемости признаков погребального обряда в комплексах.

Таблица 1. Взаимовстречаемость признаков погребального обряда в комплексах праболгар Среднего Поволжья

Датировка	Группа	Памятник	Признаки погребального обряда											
			12	1	7	11	10	5	8	2	9	3	6	4
			Золото	Туша коня	Подбой	Конь наоборот	Ровик	СВ сектор	Ступень	Шкура коня	Кладка	Череп коня	СЗ сектор	Кремация
7 век	I	Брусяны IV, к. 1, п. 1						+		+	+			
		Новинки II, к. 24, п. 5			+			+		+	+			
		Новинки II, к. 1, п. 1						+	+		+	+		
	II	Осиновка III, к. 7, п. 1		+		+		+	+		+			
		Шиловка, к. 1, п. 2	+	+	+	+	+	+	+					
		Брусяны IV, к. 2, п. 1	+	+				+	+		+			
		Шиловка, к. 2, п. 2	+		+	+		+	+	+				
		Березовка I, к. 2, п. 1	+				+	+	+	+				
		Шелехметь II, к. 11, п. 4	+			+		+	+	+	+			
8 век	III	Брусяны III, к. 1, п. 1	+	+			+							
		Урень II, к. 4, п. 2				+	+		+	+			+	
		Малая Рязань I, к. 1, п. 1								+	+		+	
	IV	Шелехметь II, грунт. п. 4								+	+	+	+	
		Брусяны II, к. 10, п. 1									+	+	+	
		Брусяны II, к. 23, п. 6									+	+	+	

Расшифровка признаков:

1 - «Туша коня». Имеется в виду, что в могиле встречен (лежащий *in situ* или потревоженный) скелет неразделанной на отдельные части целой туши коня (или его целая неразделанная половина).

2 - «Шкура коня». Под этим термином традиционно понимается наличие черепа и конечностей коня. Обернутые шкурой, они имитировали целого коня. Единственный раз (Малая Рязань I, к. 1 п. 1) в погребении вместе с

черепом и конечностями коня находились и кости позвонка. Мы считали, что такого рода комплекс больше соотносится с признаком «шкура коня».

3 - «Череп коня».

4 - «Кремация покойника». Необозначение этого признака в таблице напротив комплекса знаком «+» подразумевает, что погребение относится к категории ингумаций.

5 - «СВ». Признак обозначает, что человеческий скелет был ориентирован в одном из направлений в пределах северо-восточного сектора.

6 - «СЗ». Признак обозначает, что человеческий скелет был ориентирован в одном из направлений в пределах северо-западного сектора.

7 - «Подбой». Признак подразумевает, что в одной из длинных стенок погребальной камеры был сделан подбой. Сюда же включена единственная могила с катакомбой из Шиловского могильника.

8 - «Ступень». Признак подразумевает наличие ступени вдоль одной из длинных стенок погребальной камеры.

9 - «Кладка». Признак подразумевает наличие каменной наброски в курганной насыпи, или каменной выкладки непосредственно над могилой, как это было над грунтовым погребением 4 Шелехметского II курганно-грунтового могильника.

10 - «Ровик». Признак подразумевает наличие ровика той или иной формы, зафиксированного под курганной насыпью.

11 - «Конь наоборот». Признак подразумевает, что скелет коня или его «шкура» были сориентированы головой в направлении противоположном ориентировки человеческого костяка.

12 - «Золото». Признак подразумевает наличие золотых вещей (украшений, монет и проч.) в погребении.

Анализ взаимовстречаемости всех перечисленных 12 признаков в 15 комплексах позволил выделить четыре группы погребений. Но сам факт того, что порой различия ограничивались двумя-тремя позициями, позволяет нам сделать вывод о том, что все эти захоронения составляют единую серию в рамках общей этнокультурной традиции. Выделенные же различия, по всей видимости, объясняются либо хронологическими рамками тех или иных комплексов, либо имущественным и социальным статусом погребенных.

I группа (3 погр.) представлена набором базовых для культуры признаков, некоторые из которых («кладка», «шкура»), представлены во всех четырех, трех («ступень») или двух («череп коня», «подбой», «СВ ориентировка») группах погребений. Это объясняется тем, что именно эти признаки характеризуют культуру праболгар в целом («кладка», «шкура», «череп коня», «ступень»), или особенности той или иной хронологической группы культуры («СВ ориентировка», «подбой») - маркируют ранние праболгарские комплексы Среднего Поволжья).

II группа (6 погр.) представлена погребениями праболгарской знати. В этой группе пропадает признак «череп коня», но появляются признаки «туша коня», «ровик», «конь наоборот», «золото». Помимо этого следует упомянуть, что под курганными насыпями все эти комплексы были или единственными или основными (центральными) захоронениями. Находки в них изделий из золота, произведений искусства, предметов роскоши позволяют говорить о высоком социальном статусе погребенных здесь людей. Помимо всего следует отметить сложность и нестандартность некоторых погребальных камер (Шиловка к.1, Брусяны III). Хронологически, основная масса (пять из шести) погребений этой группы относится ко второй половине VII в. (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 150-166; Скарбовенко, Сташенков, 2000, с. 178; Бражник, Кирсанов, Лифанов, 2000, с. 193). Лишь комплекс из Брусянского III могильника выходит за эти рамки, и хронологически смыкается с погребениями III группы.

III группа (2 погр.) представлена одним комплексом новинковского типа (Малая Рязань I к.1, п. 1) и одним погребением из кургана без камней (Урень II к.4, п.2). При всех типологических различиях комплексы объединяет ориентировка в «СЗ» секторе (важный хронологический признак для праболгарских могил второй половины VIII века) и наличие «шкуры» коня.

IV группа (3 погр.) комплексов типологически примыкает к III группе. Однако в данном случае один новый признак («кремация покойника») перевешивает все остальные («шкура», «кладка», «череп»). И это позволяет говорить об этой группе захоронений, как о типологически самостоятельном явлении. Интересно отметить (эти признаки не внесены в таблицу) наличие в двух из трех погребений этой группы железных наконечников копий и кувшинов салтовского типа. Именно последние позволяют нам датировать эту группу захоронений временем не ранее середины VIII века.

Изображения коней на костяных пластинах

Изображения на одной из костяных пластин из кургана 1 погребения 2 Шиловского курганного могильника верховых лошадей дают возможность составить некоторое представление о породе праболгарских коней и их снаряжении.

По экстерьеру изображенные на пластине лошади близки к среднеазиатским породам. Это явно породистые лошади - «лучшие кони собственного седла» - с сухим поджарым туловищем, высоко поставленной шеей, средних размеров головой. Хвосты коней подвязаны в узел, возможно, перетянуты тесьмой или лентой у основания, гривы коротко подстрижены. Элементы конского снаряжения довольно четко

представлены в сцене, изображающей взнузданных и оседланных лошадей без наездников. На лошадях трензельное (?) оголовье с поводьями и седло. Седло, судя по изображению, можно отнести к типу жестких седел с деревянным арчаком крыловидной формы, высокой передней лукой и более низкой и округлой - задней. Под седлом потник прямоугольной формы. Седло с потником крепилось к корпусу лошади с помощью одной подпруги и подхвостового ремня. Подперся, удерживающего седло от сползания назад, нет. Характер изображения всадников и стоящих взнузданных лошадей не позволяет с уверенностью говорить о наличии стремян в снаряжении коня (Багаутдинов, Зубов, 1999, с.253-256).

Появление подобного типа седла исследователями относится к VI в. н.э. и связывается с древнетюркскими кочевыми племенами (Вайнштейн, 1991, с.226). В VII в., по мере распространения влияния древнетюркской культуры подобные седла широко распространились в среде раннесредневековых евразийских племен.

Социальный аспект

Значение коня в сфере социальных отношений на археологическом материале проявляется достаточно ярко. Поэтому конское захоронение в качестве признака «социального престижа», принадлежности захороненного с конем к военно-потестарной верхушке не вызывает у исследователей сомнений. Аналогичным образом интерпретируется и конское снаряжение, богатство и пышность которого должно служить целям социального престижа владельца. Как пример можно привести конскую сбрую из Брусянского III (к.1, погр.1) могильника (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с.190-192, табл. XVII-XIX). Ремни уздечки с четырьмя серебряными пряжками были украшены серебряными бляшками, бронзовыми бляхами, обтянутыми золотым листом. К этому набору относится бляха-решма на железной основе с лицевой пластиной из золота, относящаяся, по нашему мнению, к украшению подперся, ремня, охватывающего грудь лошади и удерживающего седло от сползания назад. Учитывая «царские» размеры курганной насыпи (диаметр кургана составлял 32 м при современной высоте 2 м) и объем могильной камеры (в плане она представляла собой правильной формы круг диаметром 5,4 м и была углублена в материк на 1,5 м) в сочетании с «престижными» вещами из погребального комплекса (амфора, шандал, кистень), можно предполагать очень высокий социальный статус погребенного здесь человека.

Практически во всех погребениях с конем представлены предметы вооружения и конского снаряжения. Очевидно, что это погребения дружинников довольно высокого ранга. Есть основания полагать, что эти

захоронения отражают процесс дифференциации войска и становления слоя профессиональных конных воинов-дружинников, ставшего основой раннеболгарской военной организации (Зубов С.Э., 1995, с.26-28).

Этнический аспект

Как известно, кочевническое раннесредневековое население Среднего Поволжья было пришлым. Погребальный обряд могильников новинковского типа сложен и синкретичен. В нем переплетаются черты, характерные для различных в этническом отношении групп населения. Так, сооружение курганных насыпей из камней или выкладок над могилами весьма типично для тюрок Алтая VI—VII вв. Для тюркских племен характерно наличие ступеньки в одной из продольных стенок могилы и положение на нее коня или его частей, а также северо-восточная ориентировка погребенных.

Представляется целесообразным искать истоки погребального обряда созахоронения с конем в среде тюркоязычных кочевников Евразии. В степях Восточной Европы погребений VII - первой пол. VIII вв. с конями немного. Интересные подборки таковых опубликованы А.И.Айбабиным и А.И.Семеновым (Айбабин, 1985; Семенов, 1987). Тюркское (хазарское?) захоронение второй половины VII в. близ с.Портовое по многим признакам погребального обряда коррелируется с погребениями Осиновского III (к.7, погр.1) и Брусянского IV (к.2, погр.1) могильников. Погребения «хазарской знати» Дона и Волги (Дорофеевский, к.13, Пятибратный, к.2, Соколовский, к.11, Хут. Веселый, к.6) по многим признакам близки погребениям из Шиловки (к.1, погр.2), Уреньского II (к.4, погр.2), Брусянского III (к.1, погр.1). Сопоставимы с ранней серией праболгарских сопогребений с конем ряд комплексов из Восточного Приазовья (Атавин, 1996). Однако основная масса раскопанных сопогребений с конем происходит из Южной Сибири. В частности, алтайские погребения катандинского типа из Узунтальской долины типологически и хронологически (VII—VIII вв.) наиболее близки вышеуказанным погребениям могильников Самарской Луки. Погребальный обряд из кургана №5 Катандинского II могильника практически идентичен Осиновскому комплексу (Богачев, Мышкин, 1995, с.69). А.А. Гаврилова считает погребение из кургана №5 Катандинского II могильника наиболее ранней могилой катандинского типа с элементами, близкими кудыргинским (Гаврилова, 1965, с.61).

Гипотезе об алтайско-тюркских корнях сопогребений с конем с территории Самарской Луки не противоречит и содержащийся в них инвентарь, основная масса аналогий которому также находится в сибирских древностях.

Перспективы исследования

Имеющаяся в настоящее время выборка погребений с конем в массиве древностей праболгар VII–VIII вв. Среднего Поволжья не велика. И в этой связи авторы ни в коей мере не претендуют на окончательность изложенных в настоящей статье соображений. Новые материалы вероятнее всего внесут в нашу схему поправки. Вместе с тем, уже имеющиеся данные позволяют увидеть некоторые возможные тенденции в его развитии. В частности, нам представляется, что группы I, III и IV останутся неделимыми – они лишь будут увеличиваться количественно, и не исключено, что новые материалы позволят вычлениить какие-то новые для этих групп признаки. А вот группа II, представленная, главным образом, погребениями знати, в перспективе может расслоиться по линии более богатые (княжеские) – менее богатые (дружинные), и по линии более ранние (VII век) – более поздние (VIII век). Кроме того, мы не исключаем возможности появления в массиве праболгарских древностей, которые еще предстоит открыть и исследовать – принципиально иных типов погребений с конем, связанных с включением в болгарский этнос в конце VIII – начале IX века пришлых групп населения, связываемых с культурами протомадьярского круга.

Приложение:

1. Погребения с целой тушей коня (4)

Шиловка, к.1, п.2. На дне входной ямы в катакомбу лежал костяк коня. Тушу коня положили в яму на брюхо с подогнутыми ногами и задранной кверху мордой, т.к. голова не помещалась по длине ямы. Костяк лошади располагался по оси ВСВ–ЗЮЗ, мордой в западном направлении. Катакомба, как и входная яма, была ориентирована длинной осью по линии ВСВ–ЗЮЗ. Дно катакомбы находилось на 0,7 м ниже уровня входной ямы и было покрыто слоем древесного угля мощностью 0,5 м. На слое угля и в нем в беспорядке были разбросаны кости трех человек, что не позволяет определить ориентировку погребенных в катакомбе (Багаутдинов, 1992; Багаутдинов., Богачев, Зубов, 1998, с.184–185). По аналогии с погребением 1 кургана №7 из Осиновского III могильника можно предположить, что они были ориентированы в сторону, противоположную коню.

Брусяны III, к.1, п.1. Единственная могила находилась в самом центре кургана. В плане она представляла собой правильной формы круг диаметром 5,4 м. На уровне выкида у южного края могилы был расчищен скелет коня, кости которого лежали в антропологическом порядке. Конь лежал на правом боку головой на восток, ноги его были прижаты к корпусу. Он был вытянут вдоль оси З–В. В районе скелета коня была установлена следующая последовательность напластований. По всей видимости, первоначально дневная поверхность была устлана слоем коры. Потом на эту кору была положена желтая глина из могилы (выкид). Затем на эту глину положили коня. Судя по остаткам деревянных плашек на костях черепа коня и в непосредственной близости от его ног, не исключено,

что конь был покрыт слоем деревянных плашек и древесной коры. Каких-либо вещей в непосредственной близости на уровне скелета коня найдено не было. В то же время, в южной части могилы, под конем, были обнаружены детали ременной гарнитуры от конской сбруи и железные удила со стержневидными псалиями (Багаутдинов, 1992; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 190-192).

Осиновка III, к.7, п.1. Большая могильная яма единственного в кургане погребения прямоугольной в плане формы со скругленными углами была ориентирована по линии ВСВ—ЗЮЗ. Могила имела широкую ступеньку вдоль длинной южной стенки. На ступеньке была положена лошадь. Лошадиная туша, судя по расположению сохранившихся *in situ* костей, была положена на брюхо с подогнутыми ногами. На ступеньке, рядом с костями лошади были обнаружены три костяные застежки пут — цурки и сильно коррозированные железные пряжка и обойма. Дно могилы было покрыто слоем угольков мощностью 0,5—0,7 см. На дне ямы, углубленной на 0,2—0,3 м от уровня ступеньки, находился погребенный. Судя по положению не потревоженных костей, он был ориентирован на ВСВ, т.е. в противоположную коню сторону (Богачев, Мышкин, 1995, с. 65—66).

Брусны IV, к.2, п.1. Единственное погребение находилось в северной половине насыпи. На уровне материковой поверхности могильное пятно имело круглую в плане форму. В верхней части могила была заполнена камнями. На нижнем уровне форма могилы в плане приобрела подпрямоугольные очертания (длинная ось ориентирована по линии ВСВ—ЗЮЗ). Вдоль юго-восточной стенки могилы выявлена широкая ступень, на которой в беспорядке находились кости двух полных скелетов жеребцов в возрасте 10—12 лет, среднего роста в холке (128—136 см), полустоногими по массивности скелета (определение проведено П.А. Косинцевым, Екатеринбург). Кости скелета человека находились в беспорядке в северной части могилы (Багаутдинов, 1992; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 209-210).

2. Погребения со шкурой коня (7)

Шиловка, к.2, п.2. Могильная яма состояла из входной ямы, ориентированной по линии В—З, с небольшим отклонением к северу (ВСВ—ЗЮЗ) и подбоя, вырытого в северной стенке. Первоначально входная яма, видимо, имела в плане форму вытянутого овала, затем часть северной стенки обвалилась.

На дне входной ямы находились части скелета лошади — череп, задние и передние конечности, обрубленные выше коленных сочленений. На костях задних ног лежала бедренная кость лошади. Далее — остатки хвоста в анатомическом положении у костей задних ног. Кроме того, под костями лошади, местами на дне и особенно интенсивно у черепа, прослеживалась прослойка тонкого коричневого тлена, которая, скорее всего, осталась от шкуры. Череп лошади был ориентирован на запад, с небольшим отклонением к югу.

Уже на уровне дна входной ямы, вдоль южной стенки подбоя, были зафиксированы остатки древесного тлена, оставшиеся от тонких досок толщиной 0,5 см. Следы дерева зафиксированы над погребенным и под ним. Очевидно, подбой с умершим был отгорожен досками от входной ямы.

На дне подбоя лежал скелет молодого мужчины. Погребенный был положен на спине, вытянуто, головой на восток с небольшим отклонением к северу. Левая рука была вытянута вдоль туловища, правая согнута под прямым углом так, что пальцы лежали на верхней части железной сабли.

Стопы ног и берцовые кости примерно до половины были окружены темно-коричневым тленом, возможно, остатками кожаной обуви (Багаутдинов, 1992; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с.189–190).

Урень II, к.4, п.2. Погребение 2 находилось внутри прямоугольного рва. Могильная яма ориентирована по линии СЗ–ЮВ, в юго-западной и юго-восточной стенках ее устроен обширный подбой, дно которого на 15 см выше дна ямы. В подбое находились два черепа и кости конечностей лошади и коровы, уложенные в анатомическом порядке с ориентировкой на ЮВ.

Кости взрослого человека и остатки погребального инвентаря разбросаны по дну могилы. Нетронутыми сохранились только бедренные кости ног, по которым можно определить, что погребенный лежал вытянуто на спине, головой на СЗ (Багаутдинов, Набоков, 1993, с.14, рис.1, 8; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с.180–181).

Брусяны IV, к.1, п.1. Погребение 1 находилось в центре насыпи под камнями. Подпрямоугольная со скругленными углами в плане могила была углублена в материк и ориентирована вдоль оси В–З. У восточной стенки могилы находился *in situ* человеческий череп; в западной части могилы – в перемешанном состоянии кости скелета человека и кости коня (Зубов, 1998; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с.209–210). Остатки скелета коня представлены фрагментами черепа и нижними конечностями ног.

Новинки II, к.24, п.5. Погребение 5 находилось в южной половине кургана. Над могилой на уровне середины погребенной почвы находилась каменная кладка.

Могила была ориентирована с запада на восток. На глубине 0,5 м от уровня материка у северной стенки обнаружено скопление костей лошади: череп, кости конечностей и позвонки (человек ?).

Могила имела подбой под северной стенкой. Дно могилы и подбоя наклонено с юга на север. Кости погребенного лежали в беспорядке у северной стенки, главным образом, в подбое (Матвеева, 1997, с.56, рис.105, 106).

Курганно-грунтовый могильник Шелехметь II, п.4. Грунтовое захоронение совершено по обряду кремации. «На дне могилы находилась выкладка из известняковых камней. На камнях лежала кучка кальцинированных костей, поверх которых находился несгоревший фрагмент крышки черепа. К югу от выкладки параллельно ей лежал взнузданный череп и кости ног, уложенные в анатомическом порядке» (Матвеева, 1995, с.195–196).

Курганно-грунтовый могильник Шелехметь II, к.1, п.2. В детском погребении у ног ребенка обнаружен череп жеребенка, ориентированный противоположно погребенному (Матвеева, 1997, с.57).

Курганно-грунтовый могильник Шелехметь II, к.11, п.4. Погребение зафиксировано в СЗ секторе кургана. В заполнении погребения были расчищены останки двух животных и человека. В восточной части могилы располагались череп и две кости конечностей молодой особи крупного рогатого скота. К югу от

них располагались кости ног и череп лошади, вытянутые по направлению ВСВ—ЗЮЗ. Задние ноги коня были направлены копытами к черепу, передние - от черепа. Кости ног обрублены у основания. В зубах коня были зажаты массивные удила с костяными псалиями. К востоку от останков коня было расчищено захоронение человека, ориентированного головой на ВСВ (Бражник, Кирсанов, Лифанов, 2000, с.188-198).

Березовка I, к.2, п.1. Погребение находилось в центре кургана. Могильная яма, ориентированная по оси восток-запад имела вдоль северной стороны ступеньку шириной от 0,20 до 0,35 м. Погребение полностью разрушено в результате ограбления. Поза и ориентировка погребенного не фиксировались, однако, исходя из характера размещения остатков скелета погребенного внутри могилы, можно предположить его восточную ориентировку.

Кроме человеческих, в могильной яме обнаружены кости лошади - череп, фаланга и копыто ноги; вероятно, в могилу была помещена лошадиная шкура. (Скарбовенко, Сташенков, 2000, с.167-168).

3. Погребения с частью туши коня (1)

Малая Рязань I, к.1, п.1. Погребение было обнаружено в северо-западном секторе под мощной каменной наброской в слое погребенной почвы. Костяк мужчины 50-летнего возраста (по определению А.А.Хохлова) лежал вытянуто на спине головой на С. Кисть правой руки находилась на костях таза. Все кости скелета лежали в анатомическом порядке. Севернее черепа находился гончарный кувшин, а также череп, позвонки и конечности жеребенка. В районе черепа найдены кусочки угля (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с.205-206).

4. Погребения с черепами коня (3)

Новинки II, к.1, п.1. В погребении I кургана I Новинковского II могильника поперек ступеньки, имеющейся в южной стенке могилы, лежал лошадиный череп. Он располагался в средней части могилы (Матвеева, 1997, с.56, рис.5).

Брусяны II, к.10, п.1. Скопление кальцинированных костей человека по линии СЗ—ЮВ. В северо-западной части скопления костей (не исключено, что перед сожжением костяк был ориентирован головой в этом направлении) находились салтовский кувшин, наконечник копья и череп жеребенка (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с.199, табл. XXIV).

Брусяны II, к.23, п.6. В центральной части кургана под каменной кладкой были обнаружены фрагментированный череп лошади, кальцинированные кости человека, два салтовских кувшина, удила, стремяна, копые, бронзовые браслеты (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с.204).

5. Находки конских черепов в насыпях курганов (7)

Рождественский III, к.2. В насыпи кургана 2 обнаружено 5 лошадиных черепов, 4 из которых лежали вместе, а пятый несколько поодаль от них (Рутто, 1975, с.122, рис.4).

Новинки II, к.4. В насыпи кургана 4 в юго-западном секторе обнаружены 3 конских черепа (Матвеева, 1997, с.15).

Брусяны II, к.8. В насыпи были найдены кости животных и 25 фрагментов керамики. В северо-западном секторе найден череп лошади (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с.195).

Брусяны II, к.33. В насыпи найдены кости черепа коня (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с.202).

Брусяны II, к.23. В насыпи встречены кости черепа коня (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с.204).

Урень II, к.2. В заполнении круглого рва найдены мелкие древесные угольки, сажка, отдельные кальцинированные кости, а в юго-восточном секторе нижние челюсти лошади, овцы и отдельные зубы хищного животного. Здесь же, за пределами рва, на уровне древней поверхности, найдены остатки нескольких конских черепов (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с.180).

Брусяны III, к.1. В заполнении ровика были обнаружены, кроме обломка ручки амфоры, фрагменты черепа лошади (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, с.191).

6. Находки черепов и черепов с конечностями других животных в погребениях

Урень II, к.2, п.2. Погребение находилось в северо-восточном секторе кургана, за пределами рва. Могила ориентирована по линии СЗ-ЮВ, в северном углу и под всей северо-западной стенкой находилась ниша, в которой лежали череп и кости ног овцы и стоял глиняный гончарный сосуд-приземистый одноручный кувшин с широким, чуть вогнутым дном, украшенный горизонтальными желобками по горлу и тулову. По тулову, между парными линиями желобков располагаются участки сетчатого орнамента, нанесенного тонкими лощеными линиями (Скарбовенко В.А., 1987; Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, с.189).

Брусяны II, к.14, п.1. Костяк ориентирован на СЗ, у правого плеча череп козы (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, табл. XXXVII, 5).

Новинки II, к.13, п. 4. Костяк ориентирован на В, в головах череп козленка (Матвеева Г.И., 1997, рис. 62).

Брусяны II, к.36, п.2. Костяк ориентирован на В, в головах череп овцы (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, табл. XXVII, 2).

Курганный грунт в кургане 4 в юго-западном секторе обнаружены 3 конских черепа (Матвеева, 1997, с.15).

Список литературы:

- Айбабин А.И. Погребение хазарского воина // СА, 1985. № 3.
- Атавин А.Г. Погребения VII — начала VIII вв. из Восточного Приазовья // КЕС, 1996.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998.
- Багаутдинов Р.С., Зубов С.Э. Воинский комплекс Шиловских костяных пластин // Военная археология (Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе). Материалы международной конференции 2-5 сентября 1998 г. Санкт-Петербург, 1998.
- Богачев А.В., Мышкин В.Н. Раннеболгарский курган у с. Осиновка // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.
- Бражник О.И., Кирсанов Р.С., Лифанов Н.А. Исследование Шелехметского II курганно-грунтового могильника в 1999 г. // Краеведческие записки. Вып. IX. Самара, 2000.
- Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. Москва, 1991.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. Москва—Ленинград, 1965.
- Зубов С.Э. Комплекс вооружения болгарских воинов Самарской Луки к. VII—VII вв. н.э. // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тезисы докладов Международной научной археологической конференции. Самара, 1995.
- Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997.
- Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990.
- Рутто Н.Г. Рождественский III курганный могильник // Самарская Лука в древности. Краеведческие записки. Вып. III. Куйбышев, 1975.
- Семенов А.И. К культурной атрибуции раннесредневекового погребения из Учтепе // КСИА. Вып. 192. Москва, 1987.
- Скарбовенко В.А., Сташенков Д.А. Березовский курган и его место в системе раннесредневековых древностей Самарского Поволжья // Краеведческие записки. Вып. IX. Самара, 2000.